

Славяноведение, 2023, № 4, с. 47–64

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 4, pp. 47–64

DOI: 10.31857/S0869544X0026705-8

Оригинальная статья / Original Article

Славяносербская письменность в трудах Н. И. Толстого

© 2023 г. Анна Кречмер

Венский университет
(Вена, Австрийская Республика)

anna.kretschmer@univie.ac.at

Аннотация. Работа посвящена исследованиям Н. И. Толстого по нестандартному периоду сербской письменности. К этой теме (как правило, в контексте культурного ареала Православной Славии) он обращался в течение почти всей своей научной жизни. В обзоре рассмотрены его работы по славяносербской культурной традиции, которая все еще остается относительно слабо изученным периодом сербской культурной и языковой истории. Славяносербская культура была создана сербами в рассеянии, на землях империи Габсбургов, и просуществовала со второй половины XVIII почти до середины XIX в. Особое внимание в обзоре уделяется темам и вопросам, которые недостаточно представлены в работах других исследователей, а также методологическим аспектам, слабо освещенным в конвенциональных исследованиях. История и актуальное состояние этих исследований рассматриваются в заключительном разделе обзора, на фоне анализа вклада Н. И. Толстого в изучение славяносербской тематики. В основе его подхода – концепция единой (надэтнической) культурной парадигмы Православной Славии, в рамках которой и рассматривается сербский материал. Характерен для Толстого также максимально широкий текстовый корпус (как эмпирическая база исследования) и последовательная дескрипция этого корпуса, включающая и внеязыковые его характеристики.

Ключевые слова: славяносербская культурная традиция, донациональная письменность, Православная Славия, методологические аспекты исследования.

Ссылка для цитирования: *Кречмер Анна.* Славяносербская письменность в трудах Н. И. Толстого // *Славяноведение*. 2023. № 4. С. 47–64. DOI: 10.31857/S0869544X0026705-8

Slavo-Serbian Literature in the Works of N. I. Tolstoy

© 2023. Anna Kretschmer

University of Vienna
(Vienna, Republic of Austria)

anna.kretschmer@univie.ac.at

Abstract. With this paper we would like to pay homage to N.I. Tolstoy's research of the pre-standard Serbian literature. That topic, as usual within the broader context of *Slavia Orthodoxa*, has accompanied Tolstoy during almost the whole of his scientific activity. In this area his studies about the Slav(en)oserbian literature are of particular relevance, because it is one of rather poorly studied periods of the Serbian cultural and language history. Slav(en)oserbian literature has been in use among the Serbs in Austria during the 2nd half of the 18th – 1st half of the 19th century. In our overview the focus will be on such themes and questions which are rather poorly researched in the conventional sources, while N.I. Tolstoy's works are characterized by his systemic, descriptive, analytically approach to the matter. This approach includes non-linguistic features of the corpus, too. To demonstrate it is the main purpose of this paper.

Keywords: Slavoserbian culture, pre-standard literature, *Slavia Orthodoxa*, methodological aspects of research.

For citation: *Anna Kretschmer. Slavo-Serbian Literature in the Works of N. I. Tolstoy // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences = Slavyanovedenie. 2023. No. 4. P. 47–64. DOI: 10.31857/S0869544X0026705-8*

Обзор посвящен исследованиям Н.И. Толстого по славяносербской письменности, сравнительно слабо изученной фазе сербской культурно-языковой истории. Эту письменность создали сербы на землях империи Габсбургов, куда они массово переселялись с территорий под властью Османской империи в конце XVII и в первые десятилетия XVIII в. До 1918 г. сербы оставались подданными империи – как православное славянское меньшинство в иноязычном, инокультурном, иноверном мажоритарном окружении.

По ряду причин исследование славяносербской культуры и ее письменности начинается лишь в 1960-х годах. Ведущая роль в этом принадлежит Александру Младеновичу и его школе (ср. [Кречмер 1990; Кречмер 2021]). После периода некоторой стагнации, в последние годы заметно усиление интереса к этой теме.

Подход Толстого характеризует последовательное стремление к панорамной реконструкции сербской культурно-языковой ситуации и динамики ее развития в широком временном диапазоне, с конца XVII в.¹ и до примерно 1825 г.², с привлечением большого количества текстов самых разных жанров. Результаты его исследований по славяносербской культуре и ее языку представлены в работе «Литературный язык сербов в XVIII – начале XIX в.» [Толстой 1998b]³. В отношении славяносербской эпохи многое еще остается неразъясненным – даже временные ее характеристики. Показательно, что этому вопросу, слабо представленному в конвенциональных исследованиях, Н.И. Толстой, напротив, уделяет много внимания. Он в целом принимает предложенную еще в 1935 г. выдающимся представителем научной русской эмиграции Б.О. Унбегауном хронологическую схему довуковской письменности: (1) 1690–1740 гг.; (2) 1740–1780 гг.; (3) 1780 – начало XIX в. [Unbegaun 1935], подчеркивая значимость данных социокультурной и политической истории для истории письменной культуры [Толстой 1988, 243–245; Толстой 1965, 218–219]. В основе периодизации Унбегауна следующие исторические события: 1690 г. – *Великий*

¹ Ключевой момент здесь представляет массовое переселение сербов с подвластных Османской империи территорий в тогдашнюю Южную Венгрию в 1690 г. – так называемый *Великий исход* (*Велика сеоба Срба*), с которого и начинается предистория славяносербской культуры.

² Это время смены культурной парадигмы и перехода на новый сербский литературный язык по модели Вука Караджича (ср. н.).

³ Впервые опубликовано в двух статьях [Толстой 1978; Толстой 1979].

исход сербов (ср. в.), которым до 1918 г. был разделен сербский социум. 1740–1780 гг. – правление Марии-Терезии. 1780–1790 гг. – правление просвещенного монарха Иосифа II, период относительной веротерпимости; в 1788–1791 гг. – военные успехи против Турции. Кроме того, «последние два десятилетия оказываются периодом подготовки двух крупных событий в истории Сербии – первого (1804) и второго (1815) восстания против турок»⁴ (244)⁵.

На основе данных текстового корпуса Толстой дифференцирует среднюю и конечную фазы схемы Унбегауна. Поскольку формирование славяносербского языка начинается не ранее 1760 г., период 1740–1760 гг. Толстой относит к его предыстории. Разделение же конечной фазы мотивировано тем, что 1780–1800 гг. представляют собой «переходный период от славяносербского, или, вернее, русско-славянского литературного языка к литературному языку на народной основе» (289), в то время как для периода 1800–1825 гг. характерна уже конкуренция представлений о сербском литературном языке.

В отличие от большинства исследователей, Толстой обращается и к раннему славяносербскому, и к предшествующему ему периоду – в том числе к деятельности монахов-рачан, создавших скрипторий в тогдашнем центре сербской культурной жизни, венгерской Сентандрее (245–252)⁶. Их деятельность – в целом позднее проявление средневекового церковнославянского культурного наследия сербского сегмента православного славянского мира. Ее специфика и инновативность заданы, в первую очередь, контекстом жизни сербского общества. Наряду с обычной для скрипториев перепиской сакральных текстов создаются хождения, а также проповеди, обращенные к простому народу. Эти проповеди Толстой относит не к традиционной гомилетике, а считает новым жанром (246). Язык рачан (с заметным влиянием идиома) показан на примере хождения Иерофея (Ерофея) Рачанина († после 1727) в Иерусалим (1727 г.) и текстов Гавриила Стефановича Венцловича (ок. 1680–1749?), самого значимого автора из круга рачан. В языке Иерофея представлены три составляющие – «сербульская» (сербская редакция церковнославянского), «книжно-московская» (поздний церковнославянский «русского типа») и сербский народно-разговорный язык. Употребление их в определенной степени осознанно и регулировано, в основном стилистическими параметрами (247). Примечательно здесь указание на (структурные!) параллели с языком «Жития» протопопа Аввакума (246). В отличие от конвенциональной трактовки, Толстой уже в языке Иерофея видит «довольно сильное русское влияние, которое исследователи обычно относили ко времени после 1740 г.». У Иерофея это влияние выражается еще «в восприятии отдельных элементов древнеславянского языка позднего русского типа, а не всего языка как целого, как системы». В то время как Венцлович, «видимо, уже воспринимал три упомянутых выше идиома не как варианты инвентари одного языка, а как два разных (сербский “простой” и древнеславянский “сербульского” и “московского” типа) или даже три языка, сознавая при этом их близость и возможность сближения в определенных условиях». Интересно и указание на то,

⁴ В результате восстаний возникает сербское государство – княжество Сербия. В этом контексте следует рассматривать и начало деятельности Вука Караджича: в 1814–1818 гг. выходят его собрание народных песен, первые сербская грамматика и словарь, где представлена его модель литературного языка на вернакулярной основе, главный конкурент славяносербской модели.

⁵ Здесь и далее в круглых скобках указаны страницы по [Толстой 1965].

⁶ Круг монахов-переписчиков из сербского монастыря Рачи, бежавших в ходе Великого переселения сербов в 1690 г. на земли венгерской короны в составе австрийской империи и основавших там значительный скрипторий и центр церковнославянской письменности поздней сербской редакции.

что «суждения Венцловича близки к представлениям южнорусских (украинских) книжников XVII в., различавших “словенский” язык и “простую мову” и пользовавшихся нередко и тем и другим» (248). Подчеркивается осознанность языковой практики – «некоторые произведения инок Гавриил просто переписывал, некоторые при переписке перерабатывал и приближал к народному языку, некоторые переводил на язык, очень близкий к народному» (249). Тут возникает тема оригинальности письменной (литературной) деятельности. В исследованиях по истории формирования литературных языков у православного славянства, в ранней фазе которых преобладает переводная письменность и адаптации иностранных текстов, это нередко оценочная категория. Для Толстого же вопрос оригинальности, авторства, «особенно для периодов становления новых норм, новой системы стилей [...] должен ставиться по-разному» (249)⁷.

Хотя и в сжатой форме, в работе представлена и слабо пока изученная тема «русских» школ у сербов в 1720–1730-е годы⁸. Деятельность этих школ привела к тому, что «в церковном обиходе, а в значительной мере и в обиходе гражданском, древнеславянский (церковнославянский) язык сербского образца был заменен древнеславянским языком русского образца» (254). Почти полностью свободными от русского влияния остаются деловая письменность и частная переписка. Им редко уделяется внимание, они не являются памятниками литературного языка – но представляют собой важные источники для истории письменной культуры. Толстой и здесь не ограничивается этническими особенностями и указывает на ситуацию Московской Руси XVII–XVIII вв., где «большую роль играл достаточно четко нормированный и почти лишенный ярких локальных особенностей государственно-канцелярский, деловой “приказной” язык», который «противопоставлялся языку с древнеславянской (церковнославянской) нормой и входил в определенную систему отношений с народно-разговорным койне и диалектами, а также с фольклорным языком». В южных регионах Православной Славии (Сербии, Болгарии) ситуация была иной – здесь «языком государственных канцелярий был латинский, немецкий, турецкий» (256–257).

Период 1740–1780 г. для Толстого – время почти полного господства в письменности австрийских сербов позднего церковнославянского языка русского типа и высокого русского слога. С 1760 г. поступательно усиливаются секуляризация и отход от жанрового канона Православной Славии⁹. До этого мирские сербские тексты единичны. В качестве примеров приводятся «Стематография» Жефаровича (1741) и описание Иерусалима Симеона Симоновича (1748). Для обоих авторов характерно «сознательное употребление четко нормализованного языка, далекого от народной основы и лишенного связи с сербульской традицией» (261). В 1759 г. выходит «Каллиграфия» Захарии Орфелина (ок. 1726–1785).

⁷ Индивидуальное авторство в парадигме культуры Православной Славии не было значимым само по себе – переписка, создание новых текстов (в соответствии с канонами) было в восприятии и автора (переписчика), и общества, частью жизненной задачи православного христианина, не актом индивидуальной деятельности.

⁸ Они воспитали целую плеяду значимых для сербской культуры личностей. Теме сербских школ посвящены [Гаврилович 1986; Грујић 1908; Кречмер 2021b; Кулаковский 1903; Нинковић, Васин 2021].

⁹ Модель строгого, иерархически организованного жанрового канона Православной Славии, состоявшего из 14 ярусов, представлена в работе Толстого «Отношение древнесербского книжного языка к старославянскому языку» [Толстой 1988b] (впервые опубликовано на сербском в [Толстой 1982]). Верхние ярусы представлены жанрами, наиболее близкими к сфере сакрального – (1) литургической письменностью, (2) гимнографией, (3) агиографией и (4) панегирикой. А нижние – (12) светской юридической, (13) деловой и (14) бытовой письменностью (168).

«Каллиграфию», вместе с «Кратким о богоподобном теле и крови Христовой поклонении...» митр. Павла Ненадовича (1758), «Привилегиями» Леопольда I (1745) и «Регуламентом» 1748 г., Толстой относит к сфере «делового церковного и гражданского языка середины XVIII в.» (261–263).

Он обращается и к устному употреблению литературного языка в проповеди и драме, новых для сербского общества жанрах — теме, в конвенциональных исследованиях практически не представленной (263–267). Оба жанра «имели ярко барочный характер, и оба возникли под т.н. “русским” влиянием». Важным источником и образцом для проповеди была гомилетика Иоаникия Галятовского, Лазаря Барановича, Стефана Яворского, Феофана Прокоповича — авторитетных церковных деятелей Петровского времени, выходцев из так называемой Юго-Западной Руси¹⁰. Драма представлена «школьной драмой», барочным жанром, хорошо знакомым учителям «русских» школ: «драмы разучивались школярами и исполнялись в школе под руководством учителей» (265)¹¹.

1760–1780 гг. характеризуются «резким подъемом печатной продукции у сербов, укреплением позиций славяно-сербского языка с ярко русской окраской, [...] расширением жанрового репертуара сербской литературы, увеличением числа оригинальных сочинений, резким усилением светской струи» (267). Из печати выходит более сотни сербских книг¹², из которых 40 относятся еще к конфессиональной письменности, но число светских публикаций неуклонно растет. При этом «приток русских книг конфессионального и неконфессионального характера за этот период не ослабевал, а усиливался» (269). Определенной секуляризации подвергается даже конфессиональная письменность — в облике новой для Православной Славии катехетической литературы (268). Светские тексты представлены в первую очередь пособиями, учебниками, постановлениями и указами австрийских властей (270–274)¹³. Язык официальных текстов, законов, правил, рескриптов в высокой степени нестабилен и неоднороден (272). То же относится в целом и к языку учебных пособий, особенно естественно-научных — что показано на примере «Новой сербской арифметики» В. Дамьяновича (1767), первого сербского учебника математики (273–274). Напротив, *историографический слог*¹⁴ в это время уже «довольно прочно стабилизировался» (274). Интересны указания на прямую связь между ранней славяносербской историографией (с которой, по сути дела, начинается научная историография у сербов) и языком и стилем «Славяносербских хроник» Георгия Бранковича. Они были написаны на рубеже XVII–XVIII вв., т.е. не относятся к славяносербской эпохе, но являются связующим звеном между старой летописной традицией и научной историографией (274–275)¹⁵.

¹⁰ Источником этого влияния были «русские» школы, в которых работали Максим Суворов с братом, Эммануил Козачинский, иеромонах Петр Михайлов и др., воспитанные на трудах названных авторов и в Киево-Могилянской академии.

¹¹ Этот жанр ранней сербской светской письменности слабо изучен. В 1736 г. Козачинский написал трагедию о смерти Уроша († 1371), сына последнего выдающегося правителя династии Неманичей и первого сербского царя Душана. Трагедия сохранилась в редакции 1795 г. ученика Козачинского, Йована Раича (о нем ср. н.), ср. [Толстой 1998b, 265–266].

¹² Главным источником таких данных и сегодня остается «Српска библиографија XVIII века» Г. Михайловича [Михайловић 1964].

¹³ Также слабо изученные жанры.

¹⁴ Ему Толстой отводит особое значение в процессе формирования славяносербского письменного языка, ср. [Толстой 1998a]

¹⁵ Незадолго до своей смерти Н. И. Толстой в личном разговоре с автором посетовал на то, что этот важный памятник до сих пор не издан. Так возник проект первого издания «Хроник», частично уже осуществленный [Бранковић 2008; Бранковић 2011].

Ведущие авторы этого времени – Павле Юлинац (ок. 1730–1785), историограф и переводчик, и Захария Орфелин – учитель, автор популярных учебников и пособий, издатель (276–289)¹⁶. Их язык, как и язык Йована Раича, Толстой выделяет в особый подтип (278). Орфелина он считает «центральной творческой фигурой в рассматриваемый период, значительно обогатившей жанровый состав сербской литературы» (288). Его языковой репертуар широк – в зависимости от жанра и интенциональности текста это может быть и почти чистый поздний церковнославянский, и историографический слог, и язык, весьма близкий к разговорному – и даже почти чистый русский письменный язык (в жизнеописании Петра I 1772 г.). Осознанное переключение кодов особенно заметно в изданном в 1768 г. Орфелиным первом (и единственном) номере первого сербского журнала «Славено-сербский Магазинь»¹⁷, в котором представлены разные жанры: эпиграммы, советы домашнего лекаря, рецепты, морально-поучительные и исторические тексты и т.д. В целом у Орфелина заметно стремление к упорядочению употребляемых кодов (287).

Время Орфелина для Толстого – кульминация «развития и функционирования славяно-сербского, по сути дела русско-славянского (по терминологии А. Младеновича) литературного языка». В это время поступательно расширяется читательская аудитория на базе формирующегося сербского гражданского сословия. Этот языковой тип существовал и далее, «но ему в последнем двадцатилетии XVIII в. все более противопоставлялся язык, возникавший на сербской народной основе с элементами русско-славянскими [...] (“средний язык”), наконец, язык, почти лишенный этих элементов» (288–289). В конце XVIII в. «со сменой литературных направлений и вкусов началась и смена литературного языка, его основной базы и структуры, началось проникновение народного языка в литературу». Этому процессу, развивавшемуся «постепенно и небеспрепятственно», посвящены последние разделы работы (289–327; 330–344).

Рубеж веков – «переходный период от славяно-сербского или, вернее, русско-славянского литературного языка к литературному языку на народной основе». При этом «само понятие и формы «народной» основы были в то время достаточно расплывчаты и требуют дополнительного определения» (289). Это указание принципиально важно – *народность* языка в сербистике аксиоматично рассматривается как главный показатель его качества¹⁸. Ей противопоставляется (и негативно коннотируется) не столько церковнославянский (как в исторической русистике), сколько именно славяносербский – главный конкурент модели Вука, ориентированной практически исключительно на народный язык. Таким образом, для рубежа веков характерно сосуществование «трех основных моделей, или типов, в принципе даже трех разных языков – русского (или “русскословенского”, т.е. определенного типа русского языка XVIII в.), древнеславянского (церковнославянского) русского типа и сербского (народно-сербского)». Они «могут быть выделены довольно четко и определенно как некие модели или даже нормативные системы, но не как конкретный язык конкретных произведений и памятников» – в них представлена смесь элементов различного происхождения. В это время имеет место вытеснение «древнеславянского (церковнославянского) языка из литературной, в первую очередь светской сферы», а оппозиция «“русско-славянского”

¹⁶ Их творчество (особенно Юлиница) относительно слабо изучено.

¹⁷ Образцом были русские «Ежемесячные сочинения» [Kretschmer 1989, 92–95]. Анализу журнала Орфелина посвящена наша монография [Kretschmer 1989].

¹⁸ Аналогична позиция исторической русистики.

(русского) языка в сербском употреблении и сербского языка на народной основе — «народно-сербского» литературного языка» увеличивается (289–290). С уходом церковнославянского языка, игравшего роль координатора, связующего звена между русско-славянским и народно-сербским, «общая система связи распалась, и несовместимость отдельных языков и языковых элементов оказалась более очевидной». Сосуществование трех языков (стилей) сменяется «процессом их отталкивания» (291), что непосредственно связано с расширением и изменением жанрового и стилистического репертуара славяносербской письменности и с резким увеличением печатной продукции. Как показывает популярный катезихис Й. Раича, выдержавший в последнюю четверть века пять изданий, даже язык параконфессиональной (церковно-учительной) литературы этого времени близок к сербскому. Письменный язык этого периода Толстой определяет как «язык торгово-интеллигентской среды Воеводины, своеобразное воеводинское койне» (292)¹⁹. В конфессиональной и (менее) в параконфессиональной письменности в дальнейшем употребляется церковнославянский язык русского типа («часто со значительной долей элементов русского литературного языка XVIII в.»), но «сербльская» редакция уже полностью вытеснена (293). Одновременно усиливается «процесс обособления церковно-сакрального языка (древнеславянского русской редакции) от языка несакрального, который мог применяться и в церковной, и в светской сфере» (294). Важным жанром и далее является историография. Крупнейшее произведение этого жанра, сохранившее авторитет и значение и в последующие периоды — «История» Йована Раича (1794–1795). Ее язык очень близок языку «Жития Петра Великого» Орфелина (1772), т. е. языку русской историографии. В целом же русские элементы в это время поступательно заменяются сербизированными или просто сербскими. Это показано на примере (переводной) биографии Суворова Н. Лазаревича 1799 г. (295). К историографическому слогу близка административно-юридическая письменность, в меньшей степени — периодика. Последняя представлена уже несколькими изданиями, что «свидетельствует о возникновении к концу XVIII в. если не массового, то все же немалочисленного сербского читателя» (298). Ее язык, в соответствии с тематической и интенциональной пестротой жанра, имеет более выраженный смешанный характер.

В дальнейшем важное место в славяносербском жанровом репертуаре занимает школьная и близкая к сфере школы письменность. Толстой особо останавливается на жанре «торжественного красноречия», очень популярного в то время — это приглашения на годовые экзамены, похвальные слова в конце учебного года и тому подобное. Приводится список сохранившихся текстов (около полутора десятков), описываются основные характеристики их языка и стиля. Этот жанр почти не изучен, несмотря на то, что он хорошо отражает «языковые нормы, принятые в практике сербских училищ и влиявшие, несомненно, на развитие литературного языка. И хотя следует признать, что эти тексты имеют малую литературную ценность, их значение как памятников литературного языка немалое» (302–304)²⁰. Язык учебников в целом близок языку периодики — за исключением букварей. В них «представлен довольно чистый “славено-сербский” язык русско-славянского образца» (301) — как

¹⁹ Интересны замечания Х. Куны о статусе и роли койне при формировании литературных языков в [Купа 1976].

²⁰ Они являются драгоценным источником данных о тогдашней школе, ее программе, составе ее учеников и т. д. Обзор и анализ текстов этого жанра см. в [Кречмер 2021b].

и в грамматике Авраама Мразовича (1794), памятнике кодификации позднего церковнославянского²¹. Сам же славяносербский не был кодифицирован, хотя некоторые попытки предпринимались, что показывается на примере итальянской грамматики 1794 г. В. Луштины и немецко-сербского словаря, приписываемого Т. Аврамовичу (1-е изд. 1790 г.) (301–302).

В отличие от большинства исследователей, Толстой обращается и к поэзии (которой не было в жанровом каноне Православной Славии). На рубеже веков она представлена уже довольно широко – как дифирамбической поэзией классицизма, так и лирикой (304–310). Язык ее часто близок языку похвальных слов, о которых шла речь выше (но в ней отсутствуют синтаксические латинизмы), и русскому литературному слогу. Толстой особо подчеркивает влияние на поэзию «южнорусских школьных духовных песен и вирш, принесенных русскими учителями еще в первой половине XVIII в.» (305–306)²². Рассматривается и имевшая широкое хождение рукописная поэзия, к которой редко обращаются исследователи, хотя «эти стихи демонстрируют по сути дела все типы (виды) литературного языка, или, точнее, литературных языков, бытовавших в сербской среде во второй половине и к концу XVIII в. – русского, славяно-русского (т.е. церковнославянского русского типа с элементами русского, а иногда и сербского языка), смешанного славяно-русско-сербского (очень часто со значительным преобладанием последнего) и чисто сербского языка, т.е. языка, близкого к народному или народному» (305–306). Выбор языка, как правило, задавался тематикой (направленностью) текста. Рукописная лирика «на грани устной и книжной словесности» была и «наименее нормированным жанром в отношении языка». Определенное влияние она (народная традиция в ней) оказала на печатные поэмы и баллады «на духовные и “исторические” темы» – в качестве примера приводятся произведения митр. Стратимировича, В. Раича, Ст. Раича и Й. Раича (307–309). Интересно указание на расхождение между языком заголовка и самого текста – первый, как правило, выдержан в русско-славянском ключе, второй же близок к идиому (308)²³.

Весьма популярным жанром были комедии, по большей части переводные или адаптированные. Многие из них издал Эмануил Янкович (1758–1791). Их язык, в отличие от поэзии, особенно торжественной, близок к сербскому, а число русизмов невелико (312). Показательна интерпретация выбора языка Янковичем: «не только и не столько сербское национальное самосознание побудило Э. Янковича выбрать довольно чистый сербский народный язык для своих переводов и переделок. Сам жанр комедии решительно требовал «простого» языка, а не возвышенного слога». Здесь вновь указывается на расплывчатость признаков «народного» в языке (ср. в.) и на принципиальные расхождения между устным идиомом и языком литературным: «язык Э. Янковича был

²¹ И буквари, и грамматика имели широкий круг читателей и влияли на языковое сознание и языковую практику общества.

²² В сербских исследованиях – в отличие от работ Толстого – обозначение «русский» употребляется, как правило, недифференцированно, без учета специфики так называемой Юго-Западной Руси и 3-го церковнославянского влияния.

²³ Такие различия, особенно в ранние периоды славяносербского, имеют системный характер и представлены в разных жанрах. В это время преобладают переводы, переработки, адаптации иностранных текстов (образцов). Предисловия же, введения, посвящения писали славяносербские авторы, нередко объясняя в них своим читателям, мало еще знакомым с литературой в западноевропейском понимании, важность данной книги, просвещения и образования для молодого сербского общества, свои представления о языке и культуре и пр. Для этого времени предисловия, видимо, следует рассматривать как особый тип текста.

довольно точной фиксацией воеводинского диалекта с некоторыми элементами нормализации и искусственности, без которых невозможно формирование литературного языка» (311). Примечательно, что язык предисловий (написанных сербскими издателями и переводчиками) и самих комедий не различаются.

Тот же Янкович написал первый учебник физики для сербов (1787) – как и большинство других славяносербских авторов, он выступал в разных жанрах. Показательно, что язык учебников и комедий практически уже не различается, и это подтверждает осознанную установку на близость к языку читателя. На примере «Физики» Янковича затрагивается тема формирования сербской терминологии²⁴ и отмечается «осторожность, с которой автор вводит новые слова и понятия, неизвестные народному языку, либо давая их синонимы (*часть, таль, парче*)²⁵, либо толкуя их (*Океань* – наивеће море у свету²⁶ и т.п.)» (312). К учебной примыкает также весьма популярная поучительно-морализаторская литература. Это по большей части переводы и адаптации – как переведенный Авраамом Мразовичем французский «Поучительный магазинъ за дѣцу» (1787–1800 гг.) (313)²⁷.

Особое место в кругу авторов этого периода занимает Досифей Обрадович (1739/1742–1811) – монах-расстрига, просветитель до мозга костей, неустанно учившийся и передававший свои знания и умение сербскому обществу (313–319). Его называют символом сербского Просвещения²⁸, его творчество и личность являются предметом многочисленных работ (ср. [Грбић 2012; Купа 1979]). А вот как Обрадовича характеризует Толстой: «Все основные сочинения Обрадовича имеют одну, довольно четко выработанную моралистическую, отчасти этико-философскую, отчасти дидактико-практическую направленность, подчиненную его рационалистическо-педагогическим взглядам. Секуляризация народного просвещения становилась целью его литературной и общественной деятельности. [...] Язык Обрадовича был в общем единым в его произведениях. Этот момент очень важен и для понимания его литературно-языковой концепции, и для определения в языковом плане места его произведений в общей системе и соотносительности произведений его современников-сербов» (315–316). Толстой и здесь прибегает к надэтническим обобщениям: «Если обращаться к национальным аналогиям, которые всегда приближительны, а во многих случаях и рискованны, то в истории сербского литературного языка Обрадович выполнял ту же роль, что у русских Карамзин, а Негош – что и Пушкин» (317).

Другой крупной и во многом отличавшейся от Обрадовича личностью сербской культуры на рубеже веков был Йован Раич (1726–1801), духовное лицо, воспитанник «русской» школы. Язык его много ближе церковнославянскому, чем язык Обрадовича. Толстой видит в этом осознанную оппозицию последнему, «сторону полемическую, направленную против расстриги Обрадовича, увлеченного идеями иозефинизма, рационализма и антиклерикализма». В то время, как его современники все больше склонялись к доминанте «среднего стиля», Раича можно отнести к «сторонникам теории “трех стилей”», так как он

²⁴ Славяносербской терминологии посвящена монография И. Белакович [Бјелаковић 2017].

²⁵ Различные выражения значения «часть» – первые два из немецкого языка, последнее – сербизм.

²⁶ ... *самое большое море в мире*.

²⁷ Не исключено, что Мразович был знаком с русской и/или немецкой версией этого текста и пользовался ими для своего перевода.

²⁸ Обрадович был одним из редких авторов того времени, осознанно печатавших свои произведения гражданским шрифтом – выбор графической системы имел статус манифеста и маркировал языковую и культурную позицию автора.

в своей литературной практике пользовался довольно четко нормированными различными языками» (321).

Такие – осознанные – различия в подходах к вопросу о сущности и функциях литературного языка маркируют переход от сосуществования различных языков письменности к единому ее языку. К этой теме Н. И. Толстой обращается неоднократно. Последующий обзор базируется на его работах «Конкуренция и сосуществование норм в литературном языке XVIII века у сербов» [Толстой 1988b]²⁹ и «Литературный язык сербов в XVIII – начале XIX в.» [Толстой 1998b]. «Многоязычие» письменности на определенном этапе развития неизбежно переходит в конкуренцию «опытов»³⁰ нормирования и кодифицирования литературного языка». Такая ситуация «характерна лишь для определенных периодов – периодов борьбы за становление норм национального литературного языка. Именно в «преднациональный» период эта конкуренция обостряется, а ее прекращение знаменует собой начало нового этапа, этапа стабилизации норм национального литературного языка» [Толстой 1998b, 290]. В первые два периода периодизационной схемы Унбегауна (ср. в.) конкуренции норм еще нет [Толстой 1988b, 188]³¹. Во втором периоде (1740–1780), однако, уже довольно четко представлено «многостилие» – причем, языковой и стилевой выбор задается темой и жанром текста³². И здесь Толстой описывает общеславянские тенденции: «В применении к сербскому языку, как и к русскому, украинскому, болгарскому и др. в XVIII в. можно наряду со значительными инновациями констатировать и континуитет ранней книжно-языковой системы, которая не требовала поливалентности (термин А. В. Исаченко)³³ литературного языка, т. е. его употребления во всех функциях, но определяла для различных жанров даже различные языки и допускала для отдельных жанров употребление народного или еще не выработанного (“провизорного”) литературного языка. XIX век решительно и бескомпромиссно потребовал единой нормы для всех жанров и для всех функций литературного языка без конкуренции и сосуществования норм» (189). Ситуация кардинально меняется в последний славяносербский период: «С 1780 г. до выхода Вукова *Српског речника*, – это время ускоренного литературного и литературноязыкового развития»³⁴ (190). Для сербского ареала (как немного ранее для русского) это период перехода от культурной модели Православной Славии к национальной культуре Нового времени: «Чувство принадлежности к ареалу *Rex Slavia Orthodoxa* слабеет, и одновременно растет авторитет и притягательность своего более узкого, национального ареала, границы которого окончательно определяются». Ускоренное литературное развитие приводит к одновременному появлению и сосуществованию различных культурных эпох – «барокко, классицизма, рационализма, сентиментализма и раннего романтизма» (190–191). В этот период конкурируют следующие нормы: (1) «архаичная “славяносербская”, подчеркнута русского типа»; (2) «новаторская “народносербская”»; (3) «церковнославянская русского типа (редко сербского “сербульского” типа)» (191).

И в русской, и в сербской ситуации сосуществование норм переходило в конкуренцию. Но дальнейшее развитие шло различными путями и привело

²⁹ Первоначально опубликовано на сербском в [Толстой 1981].

³⁰ Разрядка Н. И. Толстого.

³¹ Далее в круглых скобках приводятся страницы этого источника.

³² Особенно ясно это видно в языковой практике Орфелина, ср. [Толстой 1988b, 188–189].

³³ Исаченко сформулировал дистинктивные признаки стандартных языков, ср. [Исаченко 1958].

³⁴ Концепцию «ускоренного развития» предложил Г. Гачев в 1964 г., ср. [Гачев 1964].

к различным результатам. Когда из игры практически вышел самый слабый из элементов сербской языковой ситуации — церковнославянский, борьба стала идти между своего рода средним стилем и языком, близким к народному. Победила в конечном счете более радикальная народноязыковая модель Вука Караджича, в то время как базой современного русского языкового стандарта стал средний стиль, развитый далее в модели карамзинистов (192)³⁵. Славяносербский средний стиль представлен в произведениях двух популярных авторов начала XIX в., Милована Видаковича (1780—1841), и Иоакима Вуича (1772—1847), [Толстой 1998b, 333—337] — современников Вука Караджича, главного их противника. Н. И. Толстой неоднократно обращался к деятельности Вука. Признавая безусловно его заслуги в реформе сербского правописания, «наиболее крупной фигурой в сербской литературе того времени» Толстой считает, однако, Обрадовича: «Вероятно ему, а не Вуку Караджичу следует в первую очередь приписать роль реформатора сербского литературного языка. Вук же закончил, теоретически обобщил, лингвистически обосновал (вкпе с Дж. Даничичем и другими его последователями) и кодифицировал то, что производил и произвел Обрадович» [Толстой 1998b, 325]. Толстой не разделяет и общепринятого в сербистике мнения, «что до Вука, или даже до Досифея Обрадовича, народного языка в сербской литературе не было. В общем, начиная с Венцловича, он употреблялся в литературе почти всегда» — но не был еще поливалентным. В сербистике модель Вука традиционно рассматривается как не только оптимальная, но практически единственно возможная. Толстой же указывает на различные пути образования современных литературных языков: «(а) при сохранении связи с традицией» и «(б) при разрыве с традицией (который при всех обстоятельствах, как показал удавшийся эксперимент Караджича, не мог быть полным» [Толстой 1998b, 326]; как и на то, что чрезмерная ориентация на народный язык имеет и изъяны: «Караджич же и его сторонники пошли дальше, настаивая на более радикальных мерах, которые, на наш взгляд, не могли не привести к значительному сокращению стилистических возможностей литературного языка» [Толстой 1998b, 317—318]. Комментируя работы А. Албина (представителя школы А. Младеновича) о языке славяносербских газет [Албин 1968], Толстой указывает на методологические проблемы исследований старой письменности: «если уж различать шумадийско-воеводинские черты и черты народные “общие” (что вызвано, вероятно, ретроспективным взглядом от караджичевской или даже современной нормы), то следует, безусловно, отграничивать и русский язык XVIII в. от древнеславянского (церковнославянского) языка русской редакции, хотя сербскими писателями и журналистами в конце XVIII в. употреблялись преимущественно такие русизмы, которые были общи русскому языку XVIII в. и древнеславянскому поздней русской редакции» [Толстой 1998b, 298].

Непосредственно славяносербской тематике посвящены еще две важные работы Н. И. Толстого: «К историко-культурной характеристике “славяно-сербского” литературного языка» [Толстой 1988a] и «К вопросу об историографическом слоге сербского (“славяносербского”) литературного языка» [Толстой 1998a]. Но он обращался и к другим эпохам сербской культурной и языковой истории [Толстой 1982³⁶; Толстой 1989]), причем сербская тематика

³⁵ Такой путь был возможен и для сербского литературного языка; ср. [Kretschmer 2012b].

³⁶ Русский вариант см. [Толстой 1988b].

последовательно рассматривается в более широком контексте Православной Славии [Толстой 1961; Толстой 1963; Толстой 1988с].

В нашем обзоре была представлена лишь одна из граней исследовательского репертуара Н.И. Толстого, и лишь в общих чертах. Особое внимание уделялось при этом мало разработанным темам и вопросам. Следует признать, что конвенциональные исследования по славяносербскому, в отличие от работ Толстого, не обладают разработанной методологической базой. Детальный анализ истории и актуального состояния этих исследований требует особого рассмотрения³⁷, поэтому в этой статье приведены лишь некоторые общие замечания. Как уже упоминалось, изучение славяносербской эпохи и ее языка начинается сравнительно поздно. В этом можно усмотреть влияние как некритической глорификации языковой модели Вука в сербистике, так и его резко отрицательного отношения к славяносербской культурно-языковой модели (ср. [Грицкат 1966; Кречмер 2015a]). Начало исследованию славяносербского положили работы Александра Младеновича и его школы [Кречмер 1990; Кречмер 2021b; Kretschmer 1989]. Признавая огромные его заслуги на данном поприще, нельзя не указать и на определенную ограниченность его подхода, особенно в методологическом аспекте. Младенович разработал так называемый *метод вопросника*, который помогает определять степень «народности» языка. Вопросник включает преимущественно признаки “народного” языка на звуковом и графическом уровнях – и некоторые морфологические признаки. Такой фокус исследования возможен потому, что степень близости к так называемому народному языку в сербистике все еще является мерилем качества. Тем не менее на базе метода вопросника был впервые проведен комплексный анализ целого ряда славяносербских памятников (ср. [Kretschmer 1989, 21–55]).

В последние годы наблюдается заметное оживление интереса к славяносербскому языку. Активно изучаются его лексика [Бјелаковић 2017; Бјелаковић, Зорић 2021; Зорић 2018; Милановић, Мацановић 2021; Штасни 2012] и синтаксис [Милановић 2013; Цветковић Теофиловић, Стошић 1921]³⁸. Еще более значимым представляется то, что фокусирование исследования на ограниченный список признаков “народности” языка все более заменяется методом сплошной дескрипции текстового корпуса [Бјелаковић 2012; Милановић 2013]. В данной связи особо следует упомянуть проект первого словаря языка славяносербской эпохи [Речник 2017]. Существенно и то, что славяносербский воспринимается теперь как парадигма и как важная фаза сербской культурно-языковой истории [Кречмер 2021d; Кречмер 2021a; Милановић 2013; Kretschmer 2012a]. Анализ может выходить за лингвистические рамки и включать культурологические и социокультурные аспекты [Грбић 2012; Кречмер 2015b; Кречмер 2021b; Кречмер 2021a; Кречмер 2022; Kretschmer 2020; Kretschmer 2021]³⁹.

Цель этого обзора – прежде всего показать значимость вклада Н.И. Толстого в изучение старой сербской письменной культуры и особо подчеркнуть особенности его научного подхода. То что он вновь и вновь возвращался к славяносербской теме на протяжении десятилетий, не случайно. За этим стоит одна из наиболее характерных черт его как ученого – Н.И. Толстой последовательно поднимал значимые, все еще не решенные – а нередко даже еще и не осознанные и не поставленные – вопросы. В заключение хотелось бы еще

³⁷ Анализ этих исследований см. в [Кречмер 1990; Кречмер 2021b; Kretschmer 1989; Kretschmer 2012a].

³⁸ На значимость синтаксиса для языковой истории указывает Хюттль-Ворт в [Hüttl-Worth 1978].

³⁹ Повседневная жизнь и культура сербов на австрийских землях представлены в [Тимотијевић 2006].

раз подчеркнуть именно методологические аспекты его работы. В первую очередь, последовательную установку на максимально широкий исследовательский контекст — идет ли речь о временном, жанровом, региональном и других аспектах. Далее, типологическую перспективу — последовательное выявление дистинктивных характеристик исследуемого материала, параллелей и различий с периодами предшествующими и последующими. Базовая концепция Православной Славии задает надэтнический уровень исследования, переходящий границы (современных) отдельных славянских языков и этносов — редкое явление в исследованиях по нестандартной славянской письменности. С этим связано и последовательное включение в анализ исторических и культурологических параметров и данных, как и общая установка на реконструкцию культурно-языкового контекста прошлого. Последнее представляется особо значимым, ибо в исторической славистике нередко встречается некритический перенос современной языковой ситуации, современного восприятия языка и культуры, современных параметров идентичности индивидуума и социума на прошлое⁴⁰. Наконец, нельзя не упомянуть эмпирической базы исследования (служащей его необходимой контрольной инстанцией) — привлечение максимально широкого корпуса и данных истории.

В 2004 г. был опубликован сербский перевод избранных работ Н.И. Толстого [Толстой 2004], что сделало его идеи, взгляды и научный подход значительно более доступными для широкой исследовательской аудитории в Сербии. Результаты этого уже сейчас заметны в большинстве новых работ по славяносербской тематике. Но в работах Н.И. Толстого внимательного читателя ждет еще много замечаний, наблюдений, заключений — наметки для путей и направлений будущих исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Албин А. Језик новина Стефана Новаковића. Нови Сад: Матица Српска, 1968. 121 с.
- Бјелаковић И. Језик новина код Срба крајем XVIII и почетком XIX века // *An den Anfängen der serbischen Philologie* — На почечима српске филологије / G. Ilić Marković, A. Kretschmer, M. Okuka (Hg.). *Philologica Slavica Vindobonensia* 1. Frankfurt / M. et al.: Peter Lang, 2012. Pp. 49–80.
- Бјелаковић И. Терминологија код Срба у 18. и 19. веку (математичка географија и картографија). Нови Сад: Два пера, 2017. 542 с.
- Бјелаковић И., Зорић М. Лексички славенизми и питање жанра у славеносрпском језику // *Зборник Матице Српске за књижевност и језик*. 2021. № 69/2. С. 389–404.
- Бранковић Ђ. Хронике славеносрпске. Прир. Ана Кречмер. САНУ. Критичка издања српских писаца. Књ. VII. Београд: САНУ, 2008. 431 с.
- Бранковић Ђ. Хронике славеносрпске. Прир. Ана Кречмер. САНУ. Критичка издања српских писаца. Књ. VIII. Београд: САНУ, 2011. 544 с.
- Гавриловић Н. Школство код Срба у Хабсбуршкој монархији // *Историја српског народа*. Књ. 4/2. Београд: СКЗ, 1986. С. 350–362.
- Гачев Г. Ускоренно развитие литературы. М.: Наука, 1964. 311 с.
- Грић Д. Прекретања. Хале — Лајпциг, прекретања у животу Доситеја Обрадовића. Halle — Београд: Институт за књижевност и уметност, 2012. 266 с.
- Грицкат И. У чему је значај и какве су специфичности славеносрпског периода у развоју српскохрватског језика // *Зборник Матице Српске за филологију и лингвистику*. 1966. № IX. С. 61–66.

⁴⁰ Это приводит даже крупных исследователей к заключениям, никак данными корпусного анализа не подтвержденными. Так, основываясь лишь на определенной «расплывчатости» среднего стиля славяносербского, высказываются сомнения в самом его существовании — поскольку «о таком языке трудно говорить с лингвистической точки зрения [Грицкат 1966, 64]» [Толстой 1998b, 327].

- Грујић Р. М.* Српске школе (од 1718–1739 г.). Прилог културној историји српскога народа. Београд: Давидовић, 1908. 184 с.
- Зорић М.* Славенизми у раним драмама Јована Стерије Поповића. Нови Сад: Матица Српска, 2018. 290 с.
- Исаченко А. В.* Какова специфика литературног двуязычия в истории славянских народов? // Вопросы языкознания. 1958. № 4. С. 42–45.
- Кречмер А.* Неколико напомена поводом 30-годишњег јубилеја истраживања славеносрпског доба // Зборник Матице Српске за филологију и лингвистику. 1990. № XXXIII. С. 221–231.
- Кречмер А.* Вукова реформа и језичка полемика славеносрпских писаца // Вук Стефановић Караџић (1787–1864–2014). Научни скупови САНУ. књ. 156. Одељење језика и књижевности књ. 27. Београд, 2015а. С. 137–144.
- Кречмер А.* О питањима словенског језичко-културног идентитета (православни Словени ван Православне Слације) // Јужнословенски Филолог. 2015b. № LXXI/3–4. С. 9–27.
- Кречмер А. Г.* Достандартная славянская письменность (этнолингвистический подход) // Etnolingwistyka. 2021a. № 33. С. 321–336.
- Кречмер А.* Культурное наследие Православной Слације в рассеянии (школа и письменная культура у сербов на австријских землях после Великог исхода) // С. Бошков, Б. Стојковски, П. М. Вајагић (ур.). Епархија Бачка у осмовековној историји Српске православне цркве. Бачка Паланка – Нови Сад: Филозофски факултет, 2021b. С. 78–94.
- Кречмер А.* Славеносрпски: 60 година истраживања // Научни састанак слависта у Вукове дане 50/1. Београд: МСЦ, 2021с. С. 17–26.
- Кречмер А. Г.* Славеносрпска културна традиција у контексту Православне Слације и европског просветителства // Зборник Матице Српске за књижевност и језик, 2021d. № 69/2. С. 347–356.
- Кречмер А. Г.* О реконструкцији миросозерцања в Православной Слацији на пороге Нового времени (подход от текста) // Etnolingwistyka – bilans discipliny. Stan badań, metody i postulaty badawcze. I Międzynarodowy Kongres Etnolingwistyczny. Т. 3. Lublin: UMCS, 2022. С. 131–144.
- Кулаковски П. А.* Начало русской школы у сербов в XVIII в.: Очерк из истории русского влияния на югославянские литературы // Известия Отд. русского языка и словесности Импер. Акад. Наук. 1903. Т. 8. Кн. 2. С. 246–311.
- Милановић А.* Кратка историја српског књижевног језика. Београд: Завод за уџбенике, 2004. 142 с.
- Милановић А.* Језик весма полезан. Београд: Чигоја штампа, 2013. 284 с.
- Милановић А., Мацановић А.* Прва проучавања славеносрпске лексике // Зборник Матице Српске за књижевност и језик. 2021. № 69/2. С. 371–388.
- Михаиловић Г.* Српска библиографија XVIII века. Београд: Народна библиотека, 1964. 434 с.
- Нинковић Н., Васин Г.* Српско школство у хабзбуршкој монархији од Велике сеобе до реформе Марије Терезије (1690–1774) // Зборник Матице Српске за књижевност и језик. 2021. № 69/2. С. 477–491.
- Речник – Речник славеносрпског језика (огледна свеска). Нови Сад: Матица Српска, 2017. 300 с.
- Тимотијевић М.* Рађање модерне приватности. Београд: Clío, 2006. 687 с.
- Толстой Н. И.* К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян // Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 52–66.
- Толстой Н. И.* Взаимоотношения локальных типов древнеславянского (литературного) языка позднего периода (2-я пол. XVI–XVII вв.) // Славянское языкознание. V Межд. съезд славистов. Доклады сов. делегации. М.: АН СССР, 1963. С. 230–272.
- Толстой Н. И.* Старинные представления о народно-языковой базе древнеславянского литературного языка (XVI–XVII вв.) // Вопросы русского языкознания. М.: МГУ, 1976. С. 177–204.
- Толстой Н. И.* Литературный язык у сербов в конце XVIII – начале XIX века // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М.: Наука, 1978. С. 269–328.
- Толстой Н. И.* Литературный язык сербов в XVIII в. (до 1780 г.) // Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменность. М.: Наука, 1979. С. 154–201.
- Толстой Н. И.* К историко-культурной характеристике “славяно-сербского” литературного языка // Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М.: Наука, 1988а. С. 174–186.
- Толстой Н. И.* Конкуренция и сосуществование норм в литературном языке XVIII века // Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М.: Наука, 1988b. С. 186–194.
- Толстой Н. И.* Отношение древнесербского книжного языка к старославянскому языку // Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М.: Наука, 1988с. С. 164–173.

- Толстой Н.И. Этническое и культурное самосознание сербов в связи с развитием письменности (литературы) и литературного языка в XII–XIV вв. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М.: Наука, 1989. С. 152–164.
- Толстой Н.И. Несколько размышлений о славянских литературных языках, литературно-языковых ситуациях и концепциях // Славянские и балканские культуры XVIII–XIX вв. М.: АН СССР, 1990. С. 29–36.
- Толстой Н.И. *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina* – общее и различное в литературно-языковой ситуации (опыт предварительной оценки) // *Recherche slavistiche*. 1995. Vol. XLII. P. 89–102; Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 16–23.
- Толстой Н.И. К вопросу об историографическом слоге сербского («славяносербского») литературного языка // Толстой Н.И. Избранные труды. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1998а. С. 229–238.
- Толстой Н.И. Литературный язык сербов в XVIII – начале XIX в. // Толстой Н.И. Избранные труды. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1998б. С. 239–344.
- Толстой Н. Архаизм и новаторство у језичкој реформи Вука Караџића // *Анали Филолошког факултета Београдског универзитета*. Год. 1965. Св. 5 (1966). С. 227–234.
- Толстой Н. Конкуренција и коегзистенција норми у књижевном језику XVIII века код Срба // *Научни састанак слависта у Вукове дане 10*. Београд: МСЦ, 1981. С. 33–40.
- Толстой Н. Однос старог српског књишког језика према старом словенском језику // *Научни састанак слависта у Вукове дане 8/1*. Београд: МСЦ, 1982. С. 15–25.
- Толстой Н. Студије и чланци из историје српског књижевног језика. Београд – Нови Сад: Матица Српска, 2004. 216 с.
- Цветковић Теофиловић И., Стошић Ј. Досадашња истраживања синтаксе у језику писаца славено-српске епохе // *Зборник Матице Спрске за књижевност и језик*. 2021. № 69/2. С. 357–370.
- Штасни Г. Књижевни термини у посрбицама од Орфелина до Вука // *An den Anfängen der serbischen Philologie – На почецима српске филологије* / G. Ilić Marković, A. Kretschmer, M. Okuka (Hg.). *Philologica Slavica Vindobonensia* 1. Frankfurt / Main et al.: Peter Lang, 2012. Pp. 81–101.
- Hüttl-Worth G. Zum Primat der Syntax bei historischen Untersuchungen des Russischen // *Studia Linguistica Alexandro Vasilii filio Issatschenko a collegis amicisque oblata*. Lisse: P de Ridder Press, 1978. Pp. 187–190.
- Kretschmer A. Zur Methodik der Untersuchung älterer slavischer schriftsprachlicher Texte (am Beispiel des slavenoserbischen Schrifttums). *Slavistische Beiträge* 241. München: Kubon & Sagner, 1989. 255 p.
- Kretschmer A. Slawenoserbisch als Phänomen der serbischen Sprach- und Kulturgeschichte und der *Slavia Orthodoxa* // *An den Anfängen der serbischen Philologie – На почецима српске филологије* / G. Ilić Marković, A. Kretschmer, M. Okuka (Hg.). *Philologica Slavica Vindobonensia* 1. Frankfurt / Main et al.: Peter Lang, 2012a. Pp. 21–47.
- Kretschmer A. Šta bi bilo da nije bilo Vuka? // *An den Anfängen der serbischen Philologie – На почецима српске филологије* / G. Ilić Marković, A. Kretschmer, M. Okuka (Hg.). *Philologica Slavica Vindobonensia* 1. Frankfurt / Main et al.: Peter Lang, 2012b. Pp. 281–285.
- Kretschmer A. Православная Славия на пороге Нового времени: смена культурной парадигмы // *Romanoslavica*. 2020. № LVI/1. С. 27–40.
- Kretschmer A. О проучавању предстандардне српске писмености (методолошка запажања) // *Славистика*. 2021. № XXV/1. С. 106–118.
- Kuna H. Književne koine u relaciji prema predstandardnim idiomima i standardnom jeziku // *Književni jezik*. 1976. № 5/1–2. P. 9–20.
- Kuna H. Udio Dositejevih prosvetiteljskih ideja u oblikovanju njegovog literarnog jezika // B. Paternu, B. Pogorelec, J. Koruza (ur.). *Obdobje razsvetljenstva v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi*. Ljubljana: Filozofska fakulteta, 1979. P. 359–370.
- Unbegaun B.O. *Les débuts de la langue littéraire chez les Serbes*. Paris: Champion, 1935. 83 p.

Рукопись поступила в редакцию 25.11.2022

Рукопись принята к печати 20.02.2023

REFERENCES

- Albin A. *Jezik novina Stefana Novakovića*. Novi Sad, Matica Srpska Publ., 1968, 121 p. (In Serb.)
- Bjelaković I. Jezik novina kod Srba krajem XVIII i početkom XIX veka. *An den Anfängen der serbischen Philologie – На почецима српске филологије*, G. Ilić Marković, A. Kretschmer, M. Okuka (Hg.). *Philologica Slavica Vindobonensia* 1. Frankfurt / Main et al.: Peter Lang Publ., 2012, pp. 49–80. (In Serb.)

- Bjelaković I. *Terminologija kod Srba u 18. i 19. veku (matematička geografija i kartografija)*. Novi Sad, Dva pera Publ., 2017, 542 p. (In Serb.)
- Bjelaković I., Zorić M. Leksički slavenizmi i pitanje žanra u slavenosrpskom jeziku. *Zbornik Matice Sprske za književnost i jezik*, 2021, no. 69/2, pp. 389–404. (In Serb.)
- Branković Đ. *Hronike slavenosrpske*. Priredila A. Krečmer. Kritička izdanja srpskih pisaca, knj. VII. Beograd, SANU Publ., 2008, 431 p. (In Serb.)
- Branković Đ. *Hronike slavenosrpske*. Priredila A. Krečmer. Kritička izdanja srpskih pisaca, knj. VIII. Beograd, SANU Publ., 2011, 544 p. (In Serb.)
- Cvetković Teofilović I., Stošić J. Dosadašnja istraživanja sintakse u jeziku pisaca slavenosrpske epohe. *Zbornik Matice Sprske za književnost i jezik*, 2021, no. 69/2, pp. 357–370. (In Serb.)
- Gachev G. *Uskorennoe razvitie literatury*. Moscow, Nauka Publ., 1964, 311 p. (In Russ.)
- Gavrilović N. Školstvo kod Srba u Habsburškoj monarhiji. *Istorija srpskog naroda*, knj. 4/2, Beograd, Srpska književna zadruka, 1986, pp. 350–362. (In Serb.)
- Grbić D. *Prekretanja*. Hale – Lajpcig, prekretanja u životu Dositeja Obradovića. Halle – Beograd, Institut za književnost i umetnost Publ., 2012, 266 p. (In Serb. / Germ.)
- Grickat I. U čemu je značaj i kakve su specifičnosti slavenosrpskog perioda u razvoju srpskohrvatskog jezika. *Zbornik Matice Sprske za filologiju i lingvistiku*, 1966, no. IX, pp. 61–66. (In Serb.)
- Grujić R. M. *Srpske škole (od 1718–1739 g.)*. Prilog kulturnoj istoriji srpskoga naroda. Beograd, Davidović Publ., 1908, 184 p. (In Serb.)
- Hüttl-Worth G. Zum Primat der Syntax bei historischen Untersuchungen des Russischen. *Studia Linguistica Alexandro Vasiliu filio Issatschenko a collegis amicisque oblata*. Lisse, P. de Ridder Press, 1978, pp. 187–190.
- Isachenko A. V. Kakova specifika literaturnogo dvujazyčhija v istorii slavjanskikh narodov? *Voprosy jazykoznanija*, 1958, no. 4, pp. 42–45. (In Russ.)
- Krečmer A. G. Dostandartnaja slavjanskaja pis'mennost' (etnolingvističeskij podkhod). *Etnolingvistyka*, 2021a, no. 33, pp. 321–336. (In Russ.)
- Krečmer A. Kul'turnoe nasledie Pravoslavnoj Slavii v rassejanii (shkola i pis'mennaja kul'tura u serbov na avstrijskikh zemljakh posle velikogo iskhoda). S. Bošković, B. Stojković, P. Vajagić (ur.), *Eparhija Bačka u osmoevovnoj istoriji Srpske pravoslavne crkve*. Bačka Palanka – Novi Sad, Centar za istorijska istraživanja Odseka za istoriju Filozofskog fakulteta Univerziteta u Novom Sadu i Srpska pravoslavna Crkvena opština Bačka Palanka, 2021b, pp. 78–94. (In Russ.)
- Krečmer A. G. O rekonstrukcii mirosozercanija v Pravoslavnoj Slavii na poroge Novogo vremeni (podkhod ot teks ta). *Etnolingvistyka – bilans discipliny*. Stan badań, metody i postulaty badawcze. I Międzynarodowy Kongres Etnolingwistyczny, t. 3. Lublin, UMCS2022, pp. 131–144. (In Russ.)
- Krečmer A. Nekoliko napomena povodom 30-godišnjeg jubileja istraživanja slavenosrpskog doba. *Zbornik Matice Sprske za filologiju i lingvistiku*, 1990, no. XXXIII, pp. 221–231. (In Serb.)
- Krečmer A. Vukova reforma i jezička polemika slavenosrpskih pisaca. *Vuk Stefanović Karadžić (1787–1864–2014)*. Naučni skupovi SANU, knj. 156, Odeljenje jezika i književnosti knj. 27. Beograd, SANU Publ., 2015, pp. 137–144. (In Serb.)
- Krečmer A. O pitanjima slovenskog jezičko-kulturnog identiteta (pravoslavni Sloveni van Pravoslavne Slavije). *Južnoslovenski filolog*, 2015, no. LXXI/3–4, pp. 9–27. (In Serb.)
- Krečmer A. Slavenosrpski: 60 godina istraživanja. *Naučni sastanak slavista u Vukove dane 50/1*. Beograd, MSC, 2021c, pp. 17–26. (In Serb.)
- Krečmer A. G. Slavenosrpska kulturna tradicija u kontekstu Pravoslavne Slavije i evropskog prosvetiteljstva. *Zbornik Matice Sprske za književnost i jezik*, 2021d, no. 69/2, pp. 347–356. (In Serb.)
- Kretschmer A. *Zur Methodik der Untersuchung älterer slavischer schriftsprachlicher Texte (am Beispiel des slavenoserbischen Schrifttums)*. Slavistische Beiträge 241. München, Kubon & Sagner, 1989, 255 p.
- Kretschmer A. Slawenoserbisch als Phänomen der serbischen Sprach- und Kulturgeschichte und der Slavia Orthodoxa // *An den Anfängen der serbischen Philologie – Na počecima srpske filologije*, G. Ilić Marković, A. Kretschmer, M. Okuka (Hg.). *Philologica Slavica Vindobonensia 1*, Frankfurt / Main et al., Peter Lang, 2012a, pp. 21–47.
- Kretschmer A. Šta bi bilo da nije bilo Vuka? *An den Anfängen der serbischen Philologie – Na počecima srpske filologije*, G. Ilić Marković, A. Kretschmer, M. Okuka (Hg.). *Philologica Slavica Vindobonensia 1*, Frankfurt, Main et al., Peter Lang, 2012b, pp. 281–285. (In Serb.)
- Kretschmer A. O proučavanju predstandardne srpske pismenosti (metodološka zapažanja). *Slavistika*, 2021, no. XXV/1, pp. 106–118. (In Serb.)

- Kulakovskij P. A. *Nachalo russoj shkoly u serbov v XVIII v.*: Oчерk iz istorii russskogo vlijanija na jugoslavjanske literatury. Izvestija Otdelenija russskoga jazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk, 1903, t. 8, kn. 2, pp. 246–311. (In Russ.)
- Kuna H. Književne koine u relaciji prema prestandardnim idiomima i standardnom jeziku. *Književni jezik*, 1976, no. 5/1–2, pp. 9–20. (In Serbo-cr.)
- Kuna H. Udio Dositejevih prosvetiteljskih ideja u oblikovanju njegovog literarnog jezika. Boris Paternu, Breda Pogorelec, Jože Koruza (ur.). *Obdobje razsvetljenstva v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi*. Ljubljana, Filozofska fakulteta, 1979, pp. 359–370. (In Serbo-cr.)
- Mihailović G. *Srpska bibliografija XVIII veka*. Beograd, Narodna biblioteka Publ., 1964, 434 p. (In Serb.)
- Milanović A. *Kratka istorija srpskog književnog jezika*. Beograd, Zavod za udžbenike Publ., 2004, p. 142. (In Serb.)
- Milanović A. *Jezik vesma polezan*. Beograd, Čigoja štampa Publ., 2013, p. 284. (In Serb.)
- Milanović A., Macanović A. Prva proučavanja slavenosrpske leksike. *Zbornik Matice Sprske za književnost i jezik*, 2021, no. 69/2, pp. 371–388. (In Serb.)
- Ninković N., Vasin G. Srpsko školstvo u habzburškoj monarhiji od Velike seobe do reforme Marije Terezije (1690–1774). *Zbornik Matice Sprske za književnost i jezik*, 2021, no. 69/2, pp. 477–491. (In Serb.)
- Rečnik slavenosrpskog jezika* (ogledna sveska). Novi Sad, Matica Srpska Publ., 2017, p. 300. (In Serb.)
- Štanski G. Književni termini u posrbicama od Orfelina do Vuka. *An den Anfängen der serbischen Philologie – На почевима српске филологије*, G. Ilić Marković, A. Kretschmer, M. Okuka (Hg.). *Philologica Slavica Vindobonensia* 1. Frankfurt, Main et al., Peter Lang, 2012, pp. 81–101. (In Serb.)
- Timotijević M. *Radanje moderne privatnosti*. Beograd, Clio Publ., 2006, p. 687. (In Serb.)
- Tolstoj N. I. K voprosu o drevneslavjanskom jazyke kak obščem literaturnom jazyke juzhnykh i vostochnykh slavjan. *Voprosy jazykoznanija*, 1961, no. 1, pp. 52–66. (In Russ.)
- Tolstoj N. I. Vzaimootnošenija lokal'nykh tipov drevneslavjanskogo (literaturnogo) jazyka pozdnego perioda (2-ja pol. XVI–XVII vv.). *Slavjanskoe jazykoznanie*. V Mezhdunarodnyj s'ezd slavistov. Doklady sovetsoj delegacii. Moscow, AN SSSR Publ., 1963, pp. 230–272. (In Russ.)
- Tolstoj N. I. Starinnye predstavlenija o narodno-jazykovoj baze drevneslavjanskogo literaturnogo jazyka (XVI–XVII vv.). *Voprosy russskogo jazykoznanija*. Moscow, MGU, 1976, pp. 177–204. (In Russ.)
- Tolstoj N. I. Literaturnyj jazyk u serbov v konce XVIII – nachale XIX veka. *Nacional'noe vozroždenie i formirovanie slavjanskikh literaturnykh jazykov*. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 269–328. (In Russ.)
- Tolstoj N. I. Literaturnyj jazyk serbov v XVIII v. (do 1780 r.). *Slavjanskoe i balkanskoe jazykoznanie*. Istorija literaturnykh jazykov i pis'mennost'. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 154–201. (In Russ.)
- Tolstoj N. I. Otnošenie drevneserbsskogo knižnogo jazyka k staroslavjanskomu jazyku. Tolstoj N. I. *Istorija i struktura slavjanskikh literaturnykh jazykov*. Moscow, Nauka Publ., 1988a, pp. 164–173. (In Russ.)
- Tolstoj N. I. K istoriko-kul'turnoj kharakteristike «slavja no-serbsskogo» literaturnogo jazyka. Tolstoj N. I. *Istorija i struktura slavjanskikh literaturnykh jazykov*. Moscow, Nauka Publ., 1988b, pp. 174–186. (In Russ.)
- Tolstoj N. I. Konkurencija i sosušchestvovanie norm v literaturnom jazyke XVIII veka. Tolstoj N. I. *Istorija i struktura slavjanskikh literaturnykh jazykov*. Moscow, Nauka Publ., 1988c, pp. 186–194. (In Russ.)
- Tolstoj N. I. Otnošenie drevneserbsskogo knižnogo jazyka k staroslavjanskomu jazyku. Tolstoj N. I. *Istorija i struktura slavjanskikh literaturnykh jazykov*. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 164–173. (In Russ.)
- Tolstoj N. I. Ètničeskoe i kul'turnoe samosoznanie serbov v svjazi s razvitiem pis'mennosti (literatury) i literaturnogo jazyka v XII–XIV vv. *Razvitie ètničeskogo samosoznanija slavjanskikh narodov v èpokhu zrelogo feodalizma*. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 152–164. (In Russ.)
- Tolstoj N. I. Neskol'ko razmyslenij o slavjanskikh literaturnykh jazykakh, literaturno-jazykovykh situacijakh i koncepcijakh. *Slavjanskie i balkanskie kul'tury XVIII–XIX vv.* Moscow, AN SSSR Publ., 1990, pp. 29–36. (In Russ.)
- Tolstoj N. I. Slavia Orthodoxa and Slavia Latina – obščee i različnoe v literaturno-jazykovoj situacii (opyt predvaritel'noj ocenki). *Recherche slavistiche*, 1995, vol. XLII, pp. 89–102; *Voprosy jazykoznanija*, 1997, no. 2, pp. 16–23. (In Russ.)
- Tolstoj N. I. K voprosu ob istoriografičeskom sloge serbsskogo («slavenoserbsskogo») literaturnogo jazyka. Tolstoj N. I. *Izbrannye trudy*, t. II, Moscow, Jazyki russskoj kul'tury Publ., 1998a, pp. 229–238. (In Russ.)
- Tolstoj N. I. Literaturnyj jazyk serbov v XVIII – nachale XIX v. Tolstoj N. I. *Izbrannye trudy*. T. II. Moscow, 1998b, Jazyki russskoj kul'tury Publ., pp. 239–344. (In Russ.)
- Tolstoj N. Arhaizam i novatorstvo u jezičkoj reformi Vuka Karadžića. *Anali Filološkog fakulteta Beogradskog univerziteta*, god. 1965, sv. 5 (1966), pp. 227–234. (In Serb.)

- Tolstoj N. Konkurencija i koegzistencija normi u književnom jeziku XVIII veka kod Srba. *Naučni sastanak slavista u Vukove dane* 10. Beograd, MSC Publ., 1981, pp. 33–40. (In Serb.)
- Tolstoj N. Odnos starog srpskog knjiškog jezika prema starom slovenskom jeziku. *Naučni sastanak slavista u Vukove dane* 8/1. Beograd, MSC Publ., 1982, pp. 15–25. (In Serb.)
- Tolstoj N. *Studije i članci iz istorije srpskog književnog jezika*. Beograd – Novi Sad, Matica Srpska Publ., 2004, 216 p. (In Serb.)
- Unbegaun B.O. *Les débuts de la langue littéraire chez les Serbes*. Paris, Champion Publ., 1935, 83 p.
- Zorić M. *Slavenizmi u ranim dramama Jovana Sterije Popovića*. Novi Sad, Matica Srpska Publ., 2018, 290 p. (In Serb.)

Received on 25.11.2022

Accepted on 20.02.2023

Информация об авторе:**Кречмер Анна**

доктор филологических наук, профессор
Венский университет
г. Вена, Австрийская Республика
ORCID: 0000-0001-9282-889X
E-mail: anna.kretschmer@univie.ac.at

Informations about the author:**Anna Kretschmer**

DSc. (Philology), Professor
University of Vienna
Vienna, Republic of Austria
ORCID: 0000-0001-9282-889X
E-mail: anna.kretschmer@univie.ac.at